

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-3-408-416

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ПРОШЛОГО В СОЗНАНИИ ШИРОКИХ МАСС НАСЕЛЕНИЯ

С.И. Белов

Центральный музей Великой Отечественной войны 1941—1945 годов
ул. Братьев Фонченко, 10, Москва, Россия, 121170

В статье исследован процесс конструирования образа политического деятеля прошлого. Определены факторы, влияющие на ход формирования образа. Определена специфика образа формирования политического деятеля прошлого. Сделан вывод о том, что образ политического деятеля прошлого формируется преимущественно в рамках общей логики создания политического имиджа. В этом процессе используются механизмы стереотипизации, категоризации и казуальной атрибуции. Образ создается за счет средств визуализации и вербальных практик. Он формируется на осознанном и бессознательном уровнях, в силу чего его природа является двойственной. Образ существует в виде вербальных кодов и в форме символов, содержит в себе как рациональную, так и эмоциональную составляющую. Специфика образов политических деятелей прошлого проявляется через большие возможности в плане визуализации. Чаще всего нехватка аутентичной визуализации внешнего облика человека позволяет дотраивать его образ посредством обращения к стереотипам. Помимо того потенциал выстраивания образа исторического деятеля в заметно меньшей степени ограничен личным опытом представителей целевой аудитории. Наконец, создателю образа исторического деятеля доступен более широкий набор номинаций, в рамках которых позиционируется персонаж. Это становится возможным благодаря существованию вокруг фигуры политического деятеля прошлого элементов национальной мифологии, построенной на использовании архетипов массового сознания, и сакральной природы ключевых сюжетов исторического эпоса в глазах целевой аудитории.

Ключевые слова: мемориальная политика, политический образ, образ политического деятеля прошлого

ВВЕДЕНИЕ

Идеалом современного исследователя является объективная, деполитизированная реконструкция событий прошлого. Однако на практике этого крайне редко удается достичь. История была, есть и будет сферой политической борьбы. Посредством обращения к исторической символике правящий истеблишмент воспроизводит политические мифы и поддерживает модели идентичности широких масс (либо, напротив, разрушает их). Чаще всего в роли объектов мемориальных войн выступают конкретные исторические личности, воплощающие собой

ценности и устремления конкретных макросоциальных групп. Ситуацию в данном случае хорошо демонстрируют недавние протесты в США, вызванные попытками властей снести памятники генералам-конфедератам, дискуссии относительно личности С.А. Бандеры в украинском обществе и неутрачивающие диспуты вокруг личности И.В. Сталина в российском медиапространстве.

При этом вопрос о том, как именно конструируется образ политического деятеля прошлого, внедряемый в сознание широких масс населения, по большей части остается «за скобками» обсуждения внутри научного сообщества. Тема конструирования образов политических деятелей прошлого разрабатывалась преимущественно косвенным образом, в контексте смежных или более широких по объему вопросов. Ряд ее аспектов был затронут в трудах С. Московичи, посвященных механизмам политического восприятия [20]. У. Липпман раскрыл тему в контексте влияния стереотипов на формирование представлений о прошлом в сознании широких слоев населения [5]. Г. Тэджфела и Дж. Тернера рассматривали представления о прошлом, присущие макросоциальным группам, как одну из основ формирования политической идентичности, и исследовали процесс их возникновения под влиянием ингруппового фаворитизма и аутгрупповой гомогенности [22].

Вопрос о влиянии экономической, политической конъюнктуры и психического состояния человека на репрезентацию социального мира в его сознании изучался Ф. Олпортом [15], Дж. Брунером, Л. Постманом [17], Ч. Осгудом [21], Ф. Хайдером [19], С. Ашем [16] и С. Фиске [18].

Е.Б. Шестопап [10; 14], Д.В. Ольшанский [7] и Е.В. Егорова-Гантман [4] коснулись рассматриваемой темы в процессе изучения такого феномена, как политический образ.

Т.В. Евгеньева, А.В. Манойло, А.В. Селезнева [1; 2; 3], И.М. Савельева, А.В. Полетаев [12], В.В. Панков [8], С.В. Чуев [13] исследовали специфику конструирования исторических образов в контексте проблемы воспроизводства исторической памяти как базового элемента национально-государственной идентичности. При этом внимание исследователей концентрировалось преимущественно на образах страны, в то время как тема имиджей конкретных политических деятелей прошлого рассматривалась скорее по остаточному принципу.

Таким образом, можно заключить, что хотя разнообразные аспекты обозначенной темы уже разрабатывались исследователями, наработанный ими материал так и не был обобщен и систематизирован, что закономерно ставит перед экспертным сообществом задачу проведения дополнительных изысканий в указанном направлении.

Целью данной работы является выделение специфики формирования образа политического деятеля прошлого в сознании широких масс населения с учетом особенностей восприятия обозначенной целевой аудитории. Отдельно необходимо подчеркнуть, что в рамках представленной статьи изучению подвергнут кейс образов политических деятелей прошлого.

Материалы и методы. Методологическая база исследования основывается на применении дескриптивного анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Как было отмечено Ч. Осгудом, существующий в коллективном сознании образ личности, обладающей значимостью в социополитическом контексте, включает в себя три бинарных компонента: привлекательность—непривлекательность, сила—слабость и активность—пассивность. При этом первый компонент имеет отчасти производный характер: чем выше степень силы и активности политического деятеля прошлого, тем большей является его привлекательность. Указанная взаимозависимость, необходимо отметить, не является абсолютной: историческое лицо, отличавшееся слабостью и пассивностью, может обрести привлекательность за счет внешней красоты, принадлежности к особо опекаемым обществом социальным группам (женщины или маленькие дети) либо установок на априорно позитивное восприятие, транслируемым авторитетными общественными институтами (например церковью) [21].

Отсутствие жесткой взаимозависимости между привлекательностью, силой и активностью отчасти объясняется тем, что первый компонент является преимущественно визуальным, а второй и третий — вербальными. Привлекательность передается по большей части посредством визуализации, а сила и активность — через исторический нарратив, существующий в словесной форме [6].

Визуальные компоненты образа политического деятеля прошлого ориентированы преимущественно на эмоциональную сферу представителей целевой аудитории, в то время как вербальные призваны воздействовать на рациональную часть сознания. Эта спецификация подразумевает смену иерархии приоритетов при смене фокуса на конкретной аудитории. Если основным объектом воздействия являются широкие слои населения, то в образе необходимо усилить в первую очередь визуальную составляющую. Однако в процессе переориентации на узкую группу, представители которой предпочитают делать рациональный выбор, необходимо использовать преимущественно вербальные элементы образа [9].

Данный тезис, впрочем, не следует абсолютизировать: использование вербальных практик нельзя сводить только к воздействию на сферу рационального. Тембр голоса, манера говорить, стилистика языка, риторические приемы также оказывают существенное воздействие на эмоциональное состояние аудитории и могут играть ключевое значение при конструировании символов. По этой причине придание приоритетного значения одной составляющей образа не должно сопровождаться игнорированием прочих компонентов [14].

Как и любой политический имидж, образ политического деятеля прошлого воспринимается целевой аудиторией на двух уровнях: осознаваемом и неосознаваемом. На первом отображаются функциональные характеристики объекта восприятия, указывающие на его способность играть определенные социально-политические роли. Их набор и сущность определяются системой стереотипных представлений о качествах, которые должны быть присущи актору (либо должны отсутствовать у него).

Чаще всего позитивный образ политического деятеля прошлого конструируется посредством приписывания реальному человеку, биография которого

является первоосновой для его создания, маскулинных черт и мессианских качеств. За счет этого в историческом нарративе возникают образы, по значимости сопоставимые с «культурными героями» архаических мифов. В качестве конкретных примеров в данном случае можно привести образы Джорджа Вашингтона, Авраама Линкольна, Отто фон Бисмарка, Горацио Нельсона и Александра Невского. При этом маскулинность не всегда выражается напрямую. Последнее прекрасно демонстрируют образы таких политических деятелей прошлого, как М. Ганди и М.Л. Кинг. Мужество человека-прообраза демонстрируется в данном случае через готовность к самопожертвованию ради достижения общей цели. Достигнутый результат при этом далеко не всегда является мерилем значимости жертвы: подвиг З. Космодемьянской не привел напрямую к значительному ущербу для войск оккупантов, но это не помешало ей стать одним из базовых символов сопротивления народов СССР агрессору [10].

Для создания негативных образов, как правило, используется демонизация исторического персонажа, достигаемая за счет гиперболизации негативных качеств, приписываемых ему сохранившимся нарративом. Создание негативного образа может также осуществляться посредством преувеличения масштаба осуждаемых с точки зрения морали и нравственности деяний, совершенных актором. Наглядной иллюстрацией использования такого рода тактик могут служить, например, эпизоды завышения численности жертв сталинских репрессий или присущие российским неоязычникам представления о гибели миллионов восточных славян в процессе крещения Киевской Руси. Негативное позиционирование исторического персонажа также подразумевает приписывание ему качеств, осуждаемых большинством представителей целевой аудитории. Как правило, к ним относятся трусость, жадность, необоснованная жестокость, безразличие к окружающим и т.д. Некоторые формально осуждаемые обществом характеристики, впрочем, в данном случае являются непригодными в силу наличия двойных стандартов восприятия. В частности, факт частого нарушения историческим персонажем мужского пола супружеской верности (или присущий ему алкоголизм) может быть истолкован частью целевой аудитории как маркер «настоящего мужчины». Подтверждением этого, в частности, может служить восприятие фигур Ф.Д. Рузвельта и У. Черчилля в популярной исторической традиции США и Великобритании [10].

Важно подчеркнуть, что способ подачи информации для формирования образа политического деятеля прошлого на осознанном уровне определяется когнитивным потенциалом целевой аудитории, а также свойственной ей культурой вербальной коммуникации. При работе с массовой аудиторией это подразумевает передачу информации небольшими порциями и преимущественно в популярной форме. Особенно хорошо подходит для этого формат классических анекдотов — коротких занимательных историй, необязательно полностью достоверных, которые ярко отображают те или иные качества, присущие историческому персонажу. Использование научной лексики и терминологии при этом не приветствуется даже из соображений фактической корректности. Конструируемый нарратив должен быть максимально доступен каждому из представителей целевых аудито-

рий. И потому включение в историческое повествование о Минине и Пожарском информации о том, что Польша и Речь Посполитая — это далеко не тождественные понятия, представляется излишним [11].

На неосознаваемом уровне образ политического деятеля прошлого выстраивается преимущественно за счет создания системы символов, легко поддающихся визуализации. Их использование позволяет спровоцировать целевую аудиторию на заранее заданную реакцию путем манипуляций с присущими ей настроениями и установками. Как было отмечено Дж. Брунером и Л. Постманом, восприятие человеком того или иного факта во многом обусловлено социальными факторами: психоэмоциональным состоянием; знанием признаков объектов восприятия; селективным характером внимания; наличием в языке ценностно окрашенных категорий [17]. Существенную роль играет также процесс автоматической классификации иных личностей по социальным категориям, присущий сознанию воспринимающего субъекта. Наличие данных факторов приводит к запуску механизмов казуальной атрибуции. Последнее в том числе подразумевает, как было отмечено Ф. Хайдером, высокую степень корреляции между достоверностью образа политического деятеля прошлого и степенью информированности о нем целевой аудитории. Чем меньше ее представители знают об политическом деятеле прошлого, тем большее значение в интерпретации его действий играют стереотипы и модели категоризации [19].

Во многом в силу этих причин символические объекты, используемые в коммеморативных практиках, создаются по большей части путем обращения к стереотипам массового сознания. В силу данных обстоятельств им зачастую присущи высокая степень эстетики (или наоборот) и вместе с тем — малая достоверность. Наглядным примером тому могут служить памятники и портреты политических деятелей прошлого, а также их образы в историческом кино. Характерен в данном случае может быть образ Ричарда III. Как показали последние исследования, погибший в битве при Босворте король Англии не был уродливым горбуном. Однако создание мифологического образа короля-злодея было необходимо для легитимации победителей-Тюдоров, и потому уже при жизни современников последнего Йорка начал создаваться образ, соответствующий архетипам отрицательных персонажей, закрепленным в массовой культуре [14].

Большое внимание при конструировании образа исторического персонажа традиционно уделяется контексту. Как было доказано С. Ашем, в зависимости от контекста восприятия одни и те же характеристики персонажа могут по-разному оцениваться аудиторией. В качестве иллюстрации в данном случае можно привести смену восприятия жестокости Ивана Грозного в зависимости от того, каким образом оценивается реальность заговора против монарха внутри его окружения [16].

Нельзя недооценивать и эффект, оказываемый на формирование образа политического деятеля прошлого механизмами интрагруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации [22]. В процессе формирования представлений о прошлом своей макросоциальной группы, как правило, воспринимают имеющийся материал селективно: все, что подтверждает идею об исключительности группы,

интерпретируется как заслуживающее доверия, в то время как дискредитирующие ее факты автоматически ставятся под сомнение. Так, например, римским историкам были известны упоминания о факте выплаты дани галлам, захватившим Вечный Город, в обмен на освобождение захваченных территорий. Однако в массовом сознании и на страницах работ многих историков популярностью пользовалась иная версия трактовки произошедшего, согласно которой кельты в последний момент были разбиты войсками Марка Фурия Камилла, спасшего Рим от мира на позорных условиях.

ВЫВОДЫ

В целом можно заключить, что образ политического деятеля прошлого формируется по большей части в рамках общей логики создания политического имиджа. В данном процессе задействованы механизмы стереотипизации, категоризации и казуальной атрибуции. Образ формируется посредством визуализации и вербальных практик на осознанном и бессознательном уровнях, что обуславливает его двойственную, словесно-символическую, рационально-эмоциональную природу.

Однако у него есть и своя специфика, которая подразумевает более широкие возможности с точки зрения визуализации, нежели в случае работы над образом современного политика. Отсутствие достаточного объема информации для аутентичной визуализации внешнего облика человека позволяет достраивать его образ посредством обращения к стереотипам, открывая возможности для разных типов позиционирования через механизмы категоризации и казуальной атрибуции. Также необходимо отметить, что потенциал выстраивания образа политического деятеля прошлого в заметно меньшей степени ограничен личным опытом представителей целевой аудитории. Оценить его качества они могут преимущественно лишь при помощи обращения к историческому нарративу, что открывает широкое поле для манипуляций. Помимо того, создателю образа исторического деятеля зачастую доступен более широкий набор номинаций, в которых выступает описываемый им персонаж, нежели в случае современного политика. Последнее становится возможным за счет существования вокруг фигуры исторического деятеля национальной мифологии, построенной на использовании архетипов массового сознания, и сакральной природы ключевых сюжетов исторического эпоса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Евгеньева Т.В.* Историческая память, национальное самосознание и политическая социализация // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 1. С. 118—121.
- [2] *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 25—39.
- [3] *Евгеньева Т.В., Манойло А.В., Селезнева А.В.* Психология управления массовым политическим сознанием и поведением. М.: Издательство «Известия», 2015.
- [4] *Егорова-Гантман Е.В.* Игры в солдатики. Политическая психология президентов. М.: Группа компаний «Никколо М», 2003.

- [5] Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
- [6] Нестерова С.В. Визуальные и вербальные характеристики образов власти // Политическая психология: Хрестоматия. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 401—412.
- [7] Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга, 2001.
- [8] Панков В.В. История как образ и память // Вестник ОГУ. 2006. № 9. С. 100—105.
- [9] Пищева Т.Н. Политические образы: проблемы исследования и интерпретации // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 47—52.
- [10] Психология политического восприятия в современной России / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
- [11] Самсонова Т.Н. Становление гражданина-патриота // Вопросы социальной теории. 2015. Т. 7. № 1—2. С. 231—239.
- [12] Савельева И.М., Поletaев А.В. Теория исторического знания: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во «Алетейя. Историческая книга», 2007.
- [13] Чув С.В. Постреволюционная Россия в поисках национального единства. Ростов-на-Дону: Брейн, 2008.
- [14] Шестопал Е.Б., Ахматнурова С.Ф., Богдан И.В., Смутькина Н.В., Музыка Е.В., Нестерова С.В., Трущева А., Черданцева А.М. Исторические особенности восприятия российской власти // Историческая психология государственного управления. 2014. № 1. С. 41—57.
- [15] Allport F.H. Theories of Perception and the Concept of Structure. N.Y.: Willey, 1955.
- [16] Asch S. Social Psychology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1952.
- [17] Bruner J., Postman L. Perception Cognition and Behavior // Journal of Personality. 1949. Vol. 18. Issue 1. P. 14—31.
- [18] Fiske S. Social Cognition and Social Perception // Annual Review of Psychology. 1993. Vol. 44. P. 155—194.
- [19] Heider F. The Psychology of Interpersonal Relations. New York: John Wiley & Sons, 1958.
- [20] Moscovici S. The Phenomenon of Social Representations / R.S. Moscovici (Eds) Social Representations. Cambridge University: Cambridge University Press, 1984. P. 3—69.
- [21] Osgood C. Psycholinguistics, Cross-Cultural Universals, and Prospects for Mankind. Westport: Praeger Publishers, 1988.
- [22] Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior / S. Worchel, W.G. Austin (eds). Psychology of Intergroup Relations. 2nd ed. Chicago: Nelson-Hall, 1985. P. 7—24.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-3-408-416

CULTIVATING IMAGES OF POLITICAL FIGURES OF THE PAST IN THE MINDS OF THE BROADER POPULATION

S.I. Belov

Central Museum of the Great Patriotic War 1941—1945
Bratiev Fonchenko str., 10, Moscow, Russian Federation, 121170

Abstract. The article analyzes the process of cultivating images of politicians of the past and determines its specifics as well as factors influencing the formation of the images. It concludes that the image of a politician of the past is formed mainly within the general framework of political image making. In this process, mechanisms of stereotyping, categorization and casual attribution are used. The image is created by means of visualization and verbal practices. It is formed on conscious and subconscious levels, due to

which its nature is ambivalent. The image exists in the form of verbal codes and symbols and contains both rational and emotional components. Image characteristics of political figures of the past are manifested greatly through visualization. In most cases, the lack of authentic visualization of a person's appearance causes the audience to refer to stereotypes in order to complete the image. Moreover, building the image of a historical figure is significantly less often based on the personal experience of the target audience. Finally, the image creator has access to a wider set of nominations, within which the character is positioned. This becomes possible due to the elements of national mythology, based on the archetypes of mass consciousness, and the sacred nature of the historical epic stories centered around the political figure in question.

Key words: memorial policy, political image, image of a politician of the past

REFERENCES

- [1] Evgen'eva T.V. Istoricheskaya pamyat', natsional'noe samosoznanie i politicheskaya sotsializatsiya [Collective Memory, National Identity, and Political Socialization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*. 2013; 1: 118—121 (In Russ.).
- [2] Evgen'eva T.V., Selezneva A.V. Sovetskoe proshloe v tsennostnom i obrazno-simvolicheskom prostranstve rossiiskoi identichnosti [The Soviet Past in the System of Values and Image-Symbolic Space of the Russian Identity]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2016; 3: 25—39. (In Russ.).
- [3] Evgen'eva T.V., Manoilo A.V., Selezneva A.V. *Psikhologiya upravleniya massovym politicheskim soznaniem i povedeniem* [The Psychology of Management of Mass Political Consciousness and Behavior]. Moscow: Izdatel'stvo "Izvestiya"; 2015 (In Russ.).
- [4] Egorova-Gantman E.V. *Igry v soldatiki. Politicheskaya psikhologiya prezidentov* [Playing with Toy Soldiers. Political Psychology of Presidents]. Moscow: Gruppy kompanii "Nikkolo M", 2003 (In Russ.).
- [5] Lippman U. *Obshchestvennoe mnenie* [Public Opinion]. Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie"; 2004 (In Russ.).
- [6] Nesterova S.V. *Vizual'nye i verbal'nye kharakteristiki obrazov vlasti. Politicheskaya psikhologiya: Khrestomatiya* [Visual and Verbal Characteristics of Political Images]. Moscow: Aspekt Press; 2007. P. 401—412 (In Russ.).
- [7] Ol'shanskii D.V. *Osnovy politicheskoi psikhologii* [The Basics of Political Psychology]. Ekaterinburg: Delovaya kniga; 2001 (In Russ.).
- [8] Pankov V.V. Istoriya kak obraz i pamyat' [History as Image and Memory]. *Vestnik OGU*. 2006; 9: 100—105 (In Russ.).
- [9] Pishcheva T.N. Politicheskie obrazy: problemy issledovaniya i interpretatsii [Political Images: Problems of Analysis and Interpretation]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2011; 2: 47—52 (In Russ.).
- [10] *Psikhologiya politicheskogo vospriyatiya v sovremennoi Rossii* [The Psychology of Political Perception in Modern Russia]. Ed. by E.B. Shestopal. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); 2012 (In Russ.).
- [11] Samsonova T.N. Ctanovlenie grazhdanina-patriota [The Formation of a Patriotic Citizen]. *Voprosy sotsial'noi teorii*. 2015; Vol. 7; 1—2: 231—239 (In Russ.).
- [12] Savel'eva I.M., Poletaev A.V. *Teoriya istoricheskogo znaniya: Ucheb. posobie* [The Theory of Historical Science]. SPb.: Izd-vo "Aleteiya. Istoricheskaya kniga", 2007 (In Russ.).
- [13] Chuev S.V. *Postrevolyutsionnaya Rossiya v poiskakh natsional'nogo edinstva* [Post-Revolution Russia in Search of National Solidarity]. Rostov-na-Donu: Brein; 2008 (In Russ.).
- [14] Shestopal E.B., Akhmaturova S.F., Bogdan I.V., Smul'kina N.V., Muzyka E.V., Nesterova S.V., Trushcheva A., Cherdantseva A.M. Istoricheskie osobennosti vospriyatiya rossiiskoi vlasti [Historical Peculiarities of Perception of Power in Russia]. *Istoricheskaya psikhologiya gosudarstvennogo upravleniya*. 2014; 1: 41—57 (In Russ.).

- [15] Allport F.H. *Theories of Perception and the Concept of Structure*. N.Y.: Willey; 1955.
- [16] Asch S. *Social Psychology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall; 1952.
- [17] Bruner J., Postman L. Perception Cognition and Behavior. *Journal of Personality*. 1949; Vol. 18; 1: 14—31.
- [18] Fiske S. Social Cognition and Social Perception. *Annual Review of Psychology*. 1993; Vol. 44: 155—194.
- [19] Heider F. *The Psychology of Interpersonal Relations*. New York: John Wiley & Sons; 1958.
- [20] Moscovici S. The Phenomenon of Social Representations. In R.S. Moscovici (Eds). *Social Representations*. Cambridge University: Cambridge University Press; 1984: 3—69.
- [21] Osgood C. *Psycholinguistics, Cross-Cultural Universals, and Prospects for Mankind*. Westport: Praeger Publishers; 1988.
- [22] Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. S. Worchel, W.G. Austin (eds). *Psychology of Intergroup Relations*. 2nd ed. Chicago: Nelson-Hall; 1985: 7—24.

Сведения об авторе:

Белов Сергей Игоревич — кандидат исторических наук, ученый секретарь Центрального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 годов (e-mail: belov2006s@yandex.ru).

Information about the author:

Belov Sergey Igorevich — PhD, Scientific Secretary of Central Museum of the Great Patriotic War 1941—1945 (e-mail: belov2006s@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 12.05.2018.

Received 12.05.2018.